Барт Давлетгараев

ОПЦИОН НА КОННЕКТОМ
оригинал + адаптация

18+

Барт Давлетгараев

ОПЦИОН НА КОННЕКТОМ
оригинал + адаптация

«Автор»

2026

Давлетгараев Б. Д.

ОПЦИОН НА КОННЕКТОМ оригинал + адаптация /
Б. Д. Давлетгараев — «Автор», 2026

В мире, где биологическая старость признана лишь ошибкой природы, выдающийся ученый Леон Ксавье совершает невозможное. Теряя рассудок от неизлечимой болезни, он ставит радикальный эксперимент на самом себе и находит способ полностью омолаживать живые клетки. Роман построен по принципу двухканального интерфейса:Нечётные главы (1, 3, 5...) — (Сложная версия). Настоящий язык нейробиологии, реальные медицинские термины. Вариант для тех, кто ценит научную достоверность.Чётные главы (2, 4, 6...) — (Простая версия). Те же самые события, но переведенные на понятный, живой и динамичный язык. Вы можете читать книгу подряд или выбрать только тот трек, который близок именно вам. Дисклеймер: Книга содержит художественные описания глобальных пандемий, вымышленных медицинских экспериментов и онкологических заболеваний. Все совпадения с реальными лицами или событиями случайны. Просмотр рекомендуется лицам старше 18 лет.

© Давлетгараев Б. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕАВТОРА 5
Глава 1 6
Ишемическоеокно 7
Глава 2 9
Ишемическоеокно 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Барт Давлетгараев
ОПЦИОН НА КОННЕКТОМ
оригинал + адаптация

ПРЕДИСЛОВИЕАВТОРА

Перед вами роман-эксперимент. Чтобы не лишать книгу научной эстетики, но и не мучить читателя, роман разделен на два параллельных трека. Нечётные главы — 1,3,5 и так далее, это главы, с медицинскими и биологическими терминами. Чётные главы — 2,4,6 и так далее, это «декодированная версия», написанная простым языком, где фокус смещен на действие и сюжет. Вы можете читать их в любом удобном вам режиме.

Дисклеймер (Предупреждение): *Описанный в книге аудит медицинских технологий и нейробиологические термины опираются на реальную научную базу, однако сама история является художественным вымыслом. Описанные процессы, методы оценки и выводы не являются медицинскими рекомендациями или руководством к действию. Автор не несет ответственности за попытки использовать текст для само диагностики или трактовки реальных клинических случаев. По вопросам здоровья всегда консультируйтесь с практикующими медицинскими специалистами.*

Глава 1

(Сложная версия)

Ишемическоеокно

На тридцать седьмой минуте совещания доктор Леон Ксавье поймал себя на том, что смотрит на левую ладонь и не может вспомнить название мышцы, которая управляет отведением мизинца. Ладонь была сухой, с легким синеватым оттенком под ногтями — следствие сужения периферических сосудов.

Анатомический атлас в его голове, всегда безупречный, словно отсканированный в высоком разрешении, выдал серый квадрат. Информационный шум. Деградация инфо-архитектуры.

— Доктор Ксавье, если мы подпишем контракт с фондом до пятницы, они зафиксируют долю в эндаументе на уровне двенадцати процентов, — говорил Савельев, юрист компании. Он проецировал на стекло стола графики доходности. — Это покроет расходы на закупку жидкого азота для хранилища вплоть до двадцать второго века. Даже с учетом инфляционного коридора.

Леон поднял глаза от ладони. Савельев был молод, его эпигенетические часы, вероятно, едва перешагнули отметку в двадцать восемь лет. На его лице еще не было тех специфических маркеров метилирования ДНК, которые Леон научился определять с первого взгляда: едва заметная потеря тургора кожи у внешних уголков глаз, легкое изменение геометрии подбородка.

— Какая реальная доходность у этого фонда за последние тридцать лет, Савельев? — спросил Леон. Его голос прозвучал суше, чем он планировал.

— Четыре и две десятых процента выше инфляции, доктор Ксавье.

— Ни один финансовый инструмент в истории человечества не удерживал положительную реальную доходность на отрезке в триста лет, — Леон медленно повернул кисть, проверяя супинацию. — Ни один. Падут правительства, сменятся технологические уклады, валюта фонда превратится в цифровой мусор. Вы продаете клиентам пари-контракт. Паскаль девятнадцатого века обещал загробную жизнь в обмен на веру, вы обещаете дьюар с азотом в обмен на сто пятьдесят тысяч долларов. Суть та же. Опцион на надежду для тех, кто боится темноты.

— Но наши клиенты...

— Наши клиенты мертвы в момент начала процедуры, — перебил доктор Ксавье, поднимаясь с кресла. — Юридически они — трупы. Анатомический дар. Биологический материал без права собственности. Если ваш траст обанкротится через пятьдесят лет, судебные приставы отключат компрессоры и выставят наши вакуумные цистерны на аукцион как металлолом. Как это было в Чатсворте. Вы ведь помните Чатсворт, Савельев? Там пахло гнилым мясом и старыми деньгами.

В кабинете повисла тишина. Савельев начал сворачивать проекции графиков. Они оба знали, что Леон говорит не о клиентах.

Два месяца назад Леон прогнал собственный ликвор через секвенатор третьего поколения и обнаружил специфический белковый маркер — предвестник лобно-височной дегенерации. Процесс уже шел. Нейроны коры головного мозга, те самые, что удерживали его тридцатилетний опыт в области молекулярной биологии, медленно, по одному, уходили в апоптоз. У него оставалось около сорока месяцев чистой когнитивной функции. Затем наступит деменция — стирание синаптического интерфейса личности.

Когда юрист вышел, Леон подошел к панорамному окну, за которым Москва тонула в плотном осеннем тумане. На стекле отражалось его лицо — лицо пятидесяти двухлетнего мужчины, который потратил половину жизни на то, чтобы научиться лечить рак, но оказался бессилен перед часами, зашитыми в его собственных хромосомах.

Крионика была тупиком, и Леон понимал это лучше любого инженера в его лаборатории. Теплопроводностный барьер человеческого тела невозможно обойти простым погружением в ванну с криопротектором. Пока охлаждаются внешние слои коры, внутренние структуры мозга — гиппокамп, таламус — остывают слишком медленно. Вода успевает собраться в микроскопические ледяные иглы, которые прошивают клеточные мембраны, как пули — бумагу. Разморозить такой мозг — все равно что попытаться собрать разбитую хрустальную вазу по молекулам.

Ему не нужен был азот. Ему нужен был чистый носитель.

Доктор Ксавье активировал терминал на своем рабочем столе. На экране вспыхнул закрытый архив проекта «ReTro-2». На черном фоне вращалась трехмерная модель цепочки ДНК с ярко-красными точками в местах метилирования.

— Если система не может быть законсервирована, она должна быть перезапущена, — произнес Леон в пустую комнату.

Он вызвал руководителя экспериментального блока в Шэньчжэне. Экран моргнул, и появилось усталое лицо доктора Чжана. За его спиной сквозь матовое стекло лаборатории были видны очертания инкубаторов.

— Чжан, как дела с третьей серией? — спросил Леон по-английски.

— Мы заменили трофобласт, как вы советовали, доктор, — Чжан потер переносицу. — Использовали клеточную массу здорового эмбриона-донора для формирования плаценты. Эпигенетический профиль ядра из вашей соматической клетки полностью принят яйцеклеткой. Синдрома большого плода нет. Суррогатная матка стабильна. Идет шестнадцатая неделя.

Леон почувствовал, как в груди что-то коротко и остро стукнуло. Там, на другом конце континента, в стерильной тишине подземного комплекса рос его абсолютный генетический двойник. Его клон. Млекопитающее отряда приматов, несущее в каждой клетке ядерную ДНК Леона Ксавье.

— Он развивается нормально? — тихо спросил Леон.

— Физиологически — безупречно. Счетчик теломер сброшен в ноль благодаря модифицированным факторам репрограммирования на стадии бластоцисты. Но доктор Ксавье... мы ведь оба понимаем. Это будет просто ребенок. С вашими глазами, вашей группой крови и вашей предрасположенностью к астигматизму. Но его мозг будет чист. На нем не будет вашей памяти. Не будет ваших знаний.

— Я знаю, — Леон закрыл глаза. — Это пустая флешка. И если мы не найдем способ переписать коннектом до того, как моя кора превратится в кашу, этот ребенок просто проживет свою собственную жизнь, пока я буду гнить в земле.

— Сканирование синапсов с нужным разрешением убьет вас, доктор. Послойный срез мозга на микротоме — это не процедура, это аутопсия.

— Значит, мы изменим правила игры, — Леон открыл глаза и посмотрел на вращающуюся модель ДНК. — Если я не могу переселиться в него, я заставлю свое собственное тело вспомнить, как быть молодым. Готовь лабораторию в Женеве, для работы с факторами Яманаки. Мы будем вводить мРНК-конструкции *in vivo*. Прямо в мою кровь.

Глава 2

(Простая версия)

Ишемическоеокно

На тридцать седьмой минуте скучного рабочего совещания доктор Леон Ксавье вдруг поймал себя на странном ощущении. Он смотрел на собственную левую ладонь и никак не мог вспомнить, как называется крошечная мышца, которая заставляет двигаться мизинец. Кожа на руке казалась сухой, а под ногтями проступала едва заметная, пугающая синева — первый признак того, что сосуды начинают сужаться.

Анатомический атлас, который Леон всю жизнь носил в памяти и всегда мог вызвать мысленно с безупречной четкостью, вдруг подвел его. Вместо четкой картинки в голове всплыло пустое серое пятно. Словно в отлаженной годами системе связи начались серьезные помехи.

— Доктор Ксавье, если мы успеем подписать контракт с фондом до пятницы, они гарантируют нам долю в двенадцать процентов, — монотонно бубнил Савельев, молодой юрист компании.

Он увлеченно выводил на стеклянную поверхность стола яркие графики доходов.

— Эти деньги полностью покроют все расходы на закупку жидкого азота для наших подземных хранилищ. Хватит вплоть до двадцать второго века, даже если учесть будущую инфляцию.

Леон с трудом оторвал взгляд от своей ладони и посмотрел на юриста. Савельев был совсем мальчишкой — судя по всему, ему едва исполнилось двадцать восемь. На его гладком лице еще не было тех едва уловимых примет времени, которые Леон, как опытный биолог, мгновенно считывал с людей: кожа у внешних уголков глаз еще сохраняла упругость, а линия подбородка оставалась безупречно четкой. Настоящая, беззаботная молодость.

— И какова же реальная выгода у этого фонда, если посмотреть на последние тридцать лет, Савельев? — спросил Леон. Его собственный голос показался ему слишком резким и сухим.

— Чуть больше четырех процентов выше уровня инфляции, доктор Ксавье.

— За всю историю человечества ни один денежный инструмент не мог приносить прибыль на протяжении трехсот лет подряд, — Леон медленно повернул кисть, проверяя, слушаются ли пальцы. — Ни один. Рухнут государства, изменятся технологии, а валюта вашего хваленого фонда превратится в пыль на серверах. Вы продаете людям даже не услугу, вы продаете им пари. В девятнадцатом веке философы обещали рай в обмен на веру, а вы обещаете замороженную капсулу с азотом за сто пятьдесят тысяч долларов. Суть та же — вы просто торгуете надеждой для тех, кто до ужаса боится темноты.

— Но ведь наши клиенты рассчитывают...

— Наши клиенты мертвы в ту самую секунду, когда попадают к нам на стол, — безжалостно перебил его доктор Ксавье и поднялся со своего кресла. — С точки зрения закона они — просто трупы. Биологический материал, у которого нет никаких прав. Если ваш фонд прогорит лет через пятьдесят, судебные приставы без тени сомнения отключат электричество и пустят наши дорогие вакуумные цистерны с молотка как обычный металлолом. Помните, что случилось в Чатсворте, Савельев? Там, среди заброшенных резервуаров, пахло гниющим мясом и былым богатством.

В кабинете воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Савельев, заметно побледнев, начал торопливо гасить проекции графиков. Они оба прекрасно понимали, что Леон сейчас говорил вовсе не о чужих клиентах.

Два месяца назад Леон втайне от всех провел глубокий анализ собственной спинномозговой жидкости. Результаты аппарата были безжалостны: в организме обнаружился особый белок — верный предвестник ранней деменции. Разрушительный процесс в голове уже начался. Клетки мозга, которые хранили его бесценный тридцатилетний опыт в науке, медленно и без-

возвратно умирали одна за другой. У него оставалось от силы сорок месяцев, когда он еще мог нормально, ясно мыслить. А потом наступит пустота — болезнь сотрет его личность, как ластик.

Когда испуганный юрист поспешно покинул кабинет, Леон подошел к огромному панорамному окну. За стеклом раскинулась Москва, медленно утопающая в густом, сером осеннем тумане. В отражении окна он увидел себя — пятидесяти двухлетнего мужчину, который отдал половину жизни борьбе с раком, но оказался совершенно беззащитен перед биологическими часами, заложенными в его собственных генах.

Вся эта затея с заморозкой людей — крионика — была красивым тупиком, и Леон знал это лучше любого инженера в своей компании. Человеческое тело невозможно охладить идеально. Пока замерзают внешние ткани, глубокие структуры мозга остывают слишком медленно. Вода внутри них успевает превратиться в микроскопические ледяные иглы, которые буквально прошивают живые клетки, словно пули — тонкую бумагу. Разморозить такой мозг и вернуть человеку память — все равно что пытаться склеить разбитую вдребезги хрустальную вазу по отдельным молекулам.

Ему не нужен был жидкий азот. Ему нужно было совершенно новое, чистое тело.

Доктор Ксавье подошел к столу и коснулся терминала. Экран вспыхнул, открывая доступ к глубоко засекреченному архиву под шифром «ReTro-2». На темном мониторе плавно вращалась объемная модель цепочки ДНК, усыпанная тревожными ярко-красными точками.

— Если систему нельзя сохранить, её нужно перезапустить, — негромко произнес Леон в звенящую пустоту кабинета.

Он нажал кнопку вызова, связываясь с руководителем своей секретной лаборатории в Китае. Экран коротко мигнул, и перед ним появилось измученное лицо доктора Чжана. За его спиной сквозь матовое стекло лаборатории угадывались ряды медицинских инкубаторов.

— Чжан, привет. Как дела с третьей группой? — спросил Леон, переходя на английский.

— Мы сделали так, как вы советовали, доктор, — Чжан устало потер переносицу. — Использовали здоровые донорские клетки для формирования плаценты. Искусственная матка приняла генетический материал из вашей клетки без каких-либо отклонений. Развитие идет абсолютно нормально, никаких скрытых патологий нет. Идет шестнадцатая неделя.

Леон почувствовал, как сердце в груди болезненно и остро пропустило удар. Там, на другом конце земли, в стерильной тишине секретного бункера рос его абсолютный генетический двойник. Его собственный клон. Живое существо, несущее в себе каждую капельку ДНК Леона Ксавье.

— С ним точно все в порядке? — тихо, почти шепотом спросил Леон.

— Физически — он идеален. Его биологические часы сброшены на ноль благодаря нашей технологии омоложения клеток. Но, доктор Ксавье... мы ведь оба понимаем правду. Это будет просто младенец. Ребенок с вашими глазами, вашей группой крови и даже вашей склонностью к плохому зрению. Но его мозг будет абсолютно чист. В нем не будет вашей памяти. Там не будет ни одного вашего знания.

— Я знаю, — Леон устало прикрыл глаза. — Это просто пустая флешка. И если мы не найдем способ перенести мое сознание до того, как мой собственный разум превратится в кашу, этот ребенок просто проживет свою собственную жизнь, а я сгнию в земле.

— Но сканирование мозга с такой точностью просто убьет вас, доктор! — воскликнул Чжан. — Чтобы считать структуру памяти, нам придется буквально разрезать ваш мозг на тончайшие слои. Это не лечение, это посмертное вскрытие.

— Значит, мы пойдем другим путем, — Ле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.